
КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

А. И. Шаклеева

УДК 008.009

<https://orcid.org/0000-0002-2517-327X>

Юродствование как феномен российских культурных практик

Для цитирования: Шаклеева А. И. Юродствование как феномен российских культурных практик // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 209-215. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-209-215

В статье феномен юродства Христа ради рассматривается как культурный архетип, прочно вошедший в российский менталитет. Обращаясь к свойству юродства активизироваться в лиминальные периоды, автор рассматривает репрезентацию парадигмы юродства в искусстве. Отмечая свойство искусства выражать актуальное настроение коллектива, автор рассматривает, как в сегодняшних культурных практиках (литература, кинематограф, музыка, акционизм) реанимируются архаичные поведенческие модели, сосредоточившись на одной из них – юродстве Христа ради. В своей секулярной форме юродство отчуждается от религиозной содержательности, становясь светской формой поведения, направленной на обличение современного миропорядка. Внимание автора сосредоточено на типологическом сходстве и взаимодействии современных культурных практик и юродства, представленном в творчестве и имидже музыкальных исполнителей и художников-акционистов, которым свойственны шокирующая эстетика и радикальность взглядов, способных расшатать официальную систему ценностей. На примере творчества рэп-исполнителей Хаски, Noize MC, музыкальной группы «Shortparis» и перформансов современных художников-акционистов автор прослеживает родство культурных практик и юродства, выделяя следующие общие типологические черты: принадлежность к миру антиповедения, эстетика насилия и агрессия, обращение к коллективному бессознательному, обличение, зрелищность и потребность в зрителе. Автор обозначает возможности дальнейшего углубленного изучения вопроса, в котором выявленные в статье общие типологические черты могут рассматриваться более детально. На основе вывода о зрелищности и потребности в зрителе автор делает предположение, что черты юродства можно попытаться проследить и в других формах современных культурно-зрелищных практик, например, в театре, выделяя режиссерские концепции Николая Коляды, Льва Эренбурга, Александра Артемова и Константина Богомолова.

Ключевые слова: культура, юродство, юродствование, акционизм, рок, рэп, российская культура.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

A. I. Shakleeva

Foolishness as a phenomenon of russian cultural practices

In the article, the phenomenon of the foolishness of Christ is considered for the sake of a cultural archetype, firmly entrenched in the Russian mentality. Turning to the property of foolishness to become active during the liminal periods, the author considers the representation of the foolishness paradigm in art. Noting the property of art to express the current mood of the collective, the author considers how archaic behavioral models are reanimated in today's cultural practices (literature, cinema, music, actionism), focusing on one of them – the foolishness of Christ for the sake of it. In its secular form, foolishness is alienated from religious content, becoming a secular form of behavior aimed at exposing the modern world order. The author's attention is focused on the typological similarity and interaction of modern cultural practices and foolishness, presented in the work and image of music artists and action artists, which are characterized by shocking aesthetics and radical views that can undermine the official system of values. On the example of the work of rap artists Husky, Noize MC, the Shortparis music group and performances by contemporary action artists, the author traces the relationship between cultural practices and foolishness, highlighting the following common typological features: belonging to the world of anti-behavior, aesthetics of violence and aggression, appeal to collective unconscious, conviction, entertainment and the need for a viewer. The author indicates the possibility of further in-depth study of the issue, in which the general typological features identified in the article can be considered in more detail. Based on the

conclusion about the entertainment and the need for a spectator, the author makes an assumption that the features of foolishness can also be tried in other forms of modern cultural and entertainment practices, for example, in the theater, highlighting the director's concepts of Nikolai Kolyada, Lev Erenburg, Alexander Artemov and Konstantin Bogomolov.

Keywords: culture, foolishness, actionism, rock, rap, Russian culture.

В контексте изучения воздействия православия на российские культурные практики важная роль принадлежит изучению эстетического освоения парадигмы «юродства».

Разные ученые по-разному понимают феномен юродства. Так, например, К. Янчевская, О. Мартиросян, П. Басинский [Басинский, 1999] трактуют юродство как способ воплощения национального характера, в котором аккумулируются силы, позволяющие спастись от уродства мира.

А. Р. Андреев и С. А. Шумов понимают юродство как форму оппозиции власти, аргументируя свою позицию тем, что под личиной безумия «можно было вести политическую агитацию в пользу или против какой-либо политической идеологии» [Андреев, 2005, с. 253].

Согласно позиции А. М. Панченко и Д. С. Лихачева, агрессия и девиантное поведение являются внешней стороной юродства, а внутренняя заключается в усмирении гордыни. Сверхзадача юродивого – показать миру его пороки, используя для этого шокирующие приемы и прикрываясь личиной безумия. В архетипе юродивого проповедь и исповедь совершаются одновременно. Обнажаясь перед миром, совершая исповедь, юродивый тем самым «читает» миру проповедь. Лихачев и Панченко также связывают юродство со смеховым миром, утверждая, что юродивый балансирует между шутовством и святостью [Лихачев, 1984].

И. Есаулов рассматривает юродство как радикальную форму отвержения мира, которая происходит от того, что мир духовно мертв, но полагает, что он жив [Есаулов, 2004].

Историк С. Юрков считает, что «в юродстве выразилось бескомпромиссное стремление русской души к Абсолюту, оно синтезировало в себе самые сокровенные стремления русского человека» [Юрков, 2003, с. 69]. Юрков также отмечает, что юродство принадлежит к миру антиповедения, живущему по законам гротеска. Согласно мнению исследователя, юродивые сами творят свой антимир, характерными чертами которого являются парадоксализм, мистичность, совмещение несовместимого, игра, разрушение нормы. Задача юродивого, по Юркову, – подчеркнуть условность добра и зла, но это «не баланс между трагизмом и

комизмом, – трагическая сторона, заключающая в себе смысл, является безусловно доминирующей, ради нее и затевается “спектакль» [Юрков, 2003, с. 53].

Попытаемся составить архетипичный портрет юродивого. Сам образ юродивого не одномерен: свой внешний облик он заимствует из карнавално-зрелищных форм (это и нагота, и хождение в лохмотьях, и коверканье речи, непристойное поведение, смешение телесного низа с духовным верхом и т. д.), но происходит такое поведение из глубокой духовной мотивации (осознание трагического несовершенства мира, вызывающего боль и отчаяние) и неустанного движения к Богу. Как отмечает И. Г. Чеботарев (Фасцинирующий типаж «юродивый» в русской лингвокультуре: автореф. дис. канд. фил. наук), «феномен юродства представляет собой карнавальное перевернутое утверждение ключевых ценностей русской культуры – справедливости и красоты» [Чеботарев, 2015, с. 9]. Бунт юродивого – это не отрицание красоты как основы эстетики, а попытка показать ложную ее природу. Осознанно выходя из культуры, юродивый через внешние черты своего подвига пытается совершить универсальный бунт: отрицая общепринятую красоту, он отрицает компромиссный и конформистский характер повседневности. Природа поведения юродивого амбивалентна: он утверждает мораль через «посмеяние миру», отрекаясь от мира юродивый, тем не менее, не может состояться без зрителя.

Мы выделяем следующие типологические черты, свойственные поведению юродивого.

Принадлежность к миру антиповедения

Согласно определению Б. А. Успенского, антиповедение – опрокинутое поведение, которому свойственна замена регламентированных норм на противоположные им [Успенский, 1994, с. 320]. Таким образом, антиповедение строится на игре с сакральным и профанным, с высоким и низким – оно всегда связано с нарушением табу. Юродивый не стремится быть включенным в культуру, он, наоборот, выходит из нее. Неприятие культуры – это бунт против нее, позволяющий снять все запреты и табу.

Эстетика насилия, агрессия и/или ауто-агрессия

Агрессия юродивого, которая может быть выражена не только в физической, но и, чаще, в духовно-психологической форме, – это ответная реакция на жестокость мира, которую он своим поведением транслирует, приближая и преувеличивая ее, доводя до абсурда. Юродивые через самоубийство пытались преодолеть собственное тело как то, что связывает их с материальным миром – миром ложным и лежащим во грехе. Через презентацию боли и страдания они пытались достичь духовной трансформации.

Обличительство

По мнению Г. П. Федотова, юродивые выполняли функцию социальной совести, восстанавливая нарушенное духовное равновесие [Федотов, 1991]. Юродство имело социальный и даже политический смысл. Осуждение и нападки на власть – нередкое явление в поведении юродивых. Так поступали и Василий Блаженный, и псковский юродивый Никола. Основными социальными функциями юродства становились обличение и посмеяние миру с целью противопоставления между правдой Христовой, трактуемой в качестве истинной, и правдой мирской, воспринимаемой как ложная. Субъективное мироощущение индивида здесь приравнивается к идеальным представлениям об истине, к которой он призывает обращенное к нему общество. Мир и самосознание юродивого всегда парадоксальны и обусловлены трагическим разрывом между тем, к чему он стремится, и тем, что имеет. Несмотря на бунтарский, обличительный характер поведения юродивого, его цель не уничтожить, а сохранить и возродить культуру. Расшатывая существующую систему ценностей, срывая покров благополучия и обнажая уродство мира, юродивый обращается к культурной памяти как к некоей подлинности, к утерянной истине, вызывая необходимость по-новому осмыслить мир у толпы, взвешивающей на него. Юродивый демонстрирует возможность совершения подвига обычным человеком, таким образом как бы вселяя в людей веру в собственные силы, искореняя инертность и ощущение бессмысленности бытия.

Обращение к коллективному бессознательному

В лиминальные периоды истории всегда происходит взрыв коллективного бессознательного. Это обусловлено и нестабильностью общего устройства жизни, и устареванием идеалов, и поиском новых путей развития. Позиция, которую

являет собой юродство, – демонстрация неискоренимости разрыва между верхом и низом, как культурным, так и природным. Если говорить о том, что юродивый выбирает стратегию бунта, тактикой для него становится боль. Эта боль произрастает из фатального несовершенства мира, в котором человек осознает свое одиночество и уязвимость. Юродство выражает накопленный бессознательный опыт общества в экстремальной форме, так как в другой форме этот опыт невозможно ни выразить, ни отрефлексировать. Юродивый не рефлексировать, он дает возможность выхода эмоциональному опыту, который переполняет общество. Юродивый берет на себя функцию транслятора хаоса мира, его апокалиптического характера, автоматически становясь в оппозицию любой структуре, таким образом, занимая место идеального героя переходного периода, транслятора настроения общества нестабильных времен.

Зрелищность и потребность в зрителе

Осуществляемый юродивым подвиг отказа от собственного «Я», добровольного принятия личности безумия всегда зрелищен и нуждается в публике, так как одна из его задач – обличать. Юродство театрально по своей природе: оно не может существовать без зрителя. Юродивый сознательно ищет толпу, так как ему необходимо быть услышанным. Подвиг юродства обретает смысл именно в узнавании, так как в юродстве проповедь и исповедь совершаются одновременно, юродивый разоблачает себя, чтобы разоблачить мир. Его задача: сделать общее частным, а частное – общим.

Рассматривая влияние юродства на российские культурные практики, мы говорим о его секулярной форме – юродствовании, которая отчуждает понятие от христианской, чисто религиозной трактовки. Юродствование – сознательно выбранный маргинальный тип поведения, с помощью которого его носитель вступает в полемику с существующим миропорядком, наследуя при этом феномену православного подвижничества. Юродствующий стремится воздействовать на ценностные установки общества, исходя из светских, а не религиозных мотивов. Юродствование входит в русскую культуру как определенный тип коммуникативного поведения личности, в основе которого лежит не вера, а разум и гуманизм.

Обращение к юродству как к архаичной форме поведения, новая его актуализация положили начало десакрализации юродства – постепенному обретению новой, нерелигиозной его ипостаси, в которой маска юродивого транслирует уже не любовь к Христу (Христа ради), а гуманистические

идеи (гуманизма и разума ради). В этом виде юродство приобретает актуальность к концу XIX – началу XX в.

Неудивительно, что к репрезентации парадигмы юродства обращается именно искусство – ему свойственно быстрее всего реагировать на изменения в жизни. Искусство может быть индивидуальным творческим актом, но в нем всегда отражается настроение коллектива. Реабилитируя архаичные поведенческие модели, искусство выражает, тем самым, настроение, а точнее – особое состояние коллективной психологии современности. По мнению философа А. Н. Ильина, интерес к юродству продиктован тем, что оно включает в себя диалектику ума и безумия, возвращая веру в творческие способности индивидуального сознания – становясь инструментом постижения неустойчивого мира [Ильин, 2015]. Создавая абсурдную картину мира, показывая мир будто через призму увеличительного стекла, юродствующие тем самым обнажают его истинную природу, обличая лицемерие и неправду, заложенные в его устоях.

Художественное освоение парадигмы юродства начинается с литературы: появляется новый тип юродствующего героя, черты юродивого поведения прослеживаются в поведенческой модели некоторых писателей. Одним из первых такого героя вывел еще А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» в образе юродивого Николки. Различные литературоведческие исследования выявляют связь юродства с творчеством И. Бунина, Е. Водолазкина, Ф. М. Достоевского, В. Ерофеева, Н. Лескова, В. Пелевина, А. Платонова, А. Ремизова, И. Шмелева и др. [Нагорная, 1997; Янчевская, 2004; Мартиросян, 2011; Талаева, 2011]. Историк В. Ключевский видел отголоски модели поведения юродивых в образе Л. Н. Толстого [Ключевский, 1968], Д. Быков писал об О. Мандельштаме как о юродивом [Быков, 2016]. Исследователи видели юродские черты и в поведении В. Брюсова, Д. Хармса, М. Волошина, В. Хлебникова и т. д. Т. Горичева считает юродство в его секулярной форме «постмодернистской формой святости» [Горичева, 1991, с. 57]. М. Липовецкий считает, что юродствование – это специфически русское проявление в постмодернизме [Липовецкий, 2008].

По замечанию О. В. Янковской [Янковская, 2010], в 50-70-е гг. XX в. к юродствующей парадигме поведения обращались исполнители авторской песни. В качестве сближающих черт исследователь выделяет обличительство, критику вла-

сти и общественных устоев, свойственной и бардам, и юродивым. Связь юродства с другим музыкальным направлением – роком – выделяет А. Цукер [Цукер, 2011]. По его мнению, советский рок-андеграунд роднит с юродством люмпенский образ жизни, совмещение бытового «низа» с духовным «верхом» [Цукер, 2011, с. 9].

Функцию критики общественных устоев сегодня в музыке берет на себя рэп. Так, например, отец Максим Курленко из села Чемурша в Чувашии на своем YouTube-канале ведет проект «Nastoyatel», в рамках которого читает проповеди в стиле рэп. В одном из интервью Максим Курленко так рассказывает о своем проекте: «Проект “Настоятель” – это чистое миссионерство, попытка воцерковить рэп, как христиане когда-то воцерковляли язычество, оставляя во многом форму, но меняя суть» [Я юродствую ... , 2016]. Позиция отца Максима Курленко близка к сути юродствования: используя инструментарий юродивого поведения, он обращает широкие массы к теме, которую проповедует (в данном случае, как и в юродстве, это вера и любовь к Богу). В Петербурге есть свой рэп-проповедник, известный как МС Покайся, который зачитывает свои тексты прямо на улицах города, а внешне практически ничем не отличается от бродяги (что тоже отсылает к типологическим чертам юродства). Жанр своего творчества, суть которого в переложении библейских историй на современные биты, МС Покайся определяет как «слово для улиц».

Среди рэперов, творчество которых нельзя назвать религиозно ориентированным, также выделяются исполнители, чьи поведенческий код и смысловой посыл отсылают к юродству. Так, например, рэпер Noize MC (Иван Алексеев) получил награду с формулировкой «За публичный протест против произвола власти» (2011). Концерты другого рэпера – Хаски (Дмитрий Кузнецов) запрещены на территории Российской Федерации (с декабря 2018 г.) из-за остросоциального подтекста его творчества, обличительства, критики власти и эпатажной манеры поведения. Рэп в сегодняшней массовой культуре становится тем жанром, который позволяет открыто говорить о социальных проблемах. Когда мы проводим параллели между рэп-культурой и юродством, мы не можем утверждать, что рэп наследует юродству, но можем проследить схожесть типологических черт этих двух феноменов культуры – это и принадлежность к миру антиповедения, и языковая игра, агрессия, потребность в зрителе, протестный характер поведения, маргинальность, выход на пер-

вый план героя-аутсайдера, снятие запретов с табуированных тем, утверждение морали через пошлость и потребность «ругаться миру».

Черты юродства прослеживаются в творчестве группы «Shortparis». Их шоу – модернистские полотна, в которых категории смешного и страшного перемешиваются, напоминая ритуальные действия. Триггеры, используемые «Shortparis», направлены на язвы общества, на скрытые травмы, которые невозможно ни осмыслить, ни отрефлексировать. «Shortparis» вскрывают общие боль и страх, которые сегодня составляют коллективное бессознательное если не всего мира, то страны, регулярно сотрясаемой от страшных социальных трагедий. Активация коллективного бессознательного – это то, что роднит творчество группы с юродством.

Другим примером продолжения бытования секулярной формы юродства в современной культуре является акционизм. Возникший в 50-х годах XX в. в Западной Европе акционизм стал способом осмысления травмирующего опыта, пережитого человечеством (речь идет о Второй мировой войне), для которого характерно стремление поставить под сомнение общепринятые идеалы и желание активного преобразования жизни. Юродство акциониста – сознательно выбранный способ самовыражения, маргинальность, через которую транслируются проблемы, свойственные обществу. Образ акциониста неоднороден, как и образ юродивого: с одной стороны, он безумец, с другой – мудрец, наделенный особенными знаниями о мире, недоступными всем остальным. Акционизм в России достигает расцвета к 1990-м годам. Если Флюксус и венский акционизм 50-60-х гг. так или иначе были реакцией на череду исторических травм XX в., то в российском варианте акционизм стал реакцией на смену государственной идеологии и развал СССР. Художественное направление в своей визуальной форме практически идентично древнерусскому юродству. И мировые, и российские практики акционистов построены на эпатаже, самобичевании, снятии табу, зрелищности и потребности в зрителе и других типологических чертах юродства. Связи юродства и художественных практик посвящен ряд научных работ [Антонян, 2014; Хренов, 2015; Чумичева, 2016; Соковиков, 2018]. Так, например, на смешении сакрального и профанного построен перформанс Олега Кулика «Миссионер» (1995, Москва; 2012, Лондон) – в ходе акции художник читал рыбам библию, стоя в воде, тем самым как бы обращая рыб в религию. Его же работа «Бешенный пес, или Последнее табу, охраняемое одиноким

Цербером», впервые показанная в галерее Марата Гельмана в Москве в 1994 г., была построена на самобичевании. Акция заключалась в том, что обнаженный художник, прикованный цепью, выскакивал из галереи и в течение семи минут лаял и бросался на прохожих. Такое поведение символизировало озверевшего от жизни среднестатистического россиянина. В 2000 г. другой перформер Олег Мавромати провел акцию «Не верь глазам», в ходе которой распял себя на кресте недалеко от церкви Святителя Николы и Храма Христа Спасителя, на спине у художника была надпись: «Я НЕ СЫН БОГА».

Обличительство и оппозиция власти – одна из самых ярких черт современного российского акционизма. Юродство становится удобной формой для безнаказанного порицания существующего уклада. Многие акции носят открыто протестный характер: «Мент в поповской рясе» (2008), панк-концерт «ХВО» (2009), «Дворцовый переворот» (2010) арт-группы «Война». Московскую фракцию группы возглавляли Петр Верзилов и Надежда Толоконникова («Лобзай мусора», 2011; панк-молебен «Богородица, Путина прогони», 2012; «Милиционер вступает в игру», 2018).

Фигура юродивого возникает, когда в коллективном бессознательном накапливается потребность проговорить то, что ощущается, но не находит действенного выхода. Юродивый через условную художественную призму озвучивает то, что другие не осмеливаются, делая пороки существующего миропорядка видимыми. Таким образом, и юродство, и юродствование всегда социальны и зрелищны. На основе этого тезиса мы предполагаем, что может быть установлена взаимосвязь юродства и с другими современными культурными практиками, например, с театром, в котором сегодня также акцент переносится с художественности на социальность. Отсюда распространение и популярность таких жанров, как документальный театр, театр горожан, форум-театр, инклюзивный театр, театр свидетелей и т. д. В современном сценическом искусстве можно выделить и режиссерские концепции, вызывающие раздражение и непонимание, разделяющие реакцию зрительного зала на острое неприятие и бурное ликование. К таким режиссерским концепциям можно отнести творчество Николая Коляды [Шаклеева, 2018], Льва Эренбурга, Александра Артемова, Константина Богомолова и некоторых других творческих объединений. Примечательно, что, как и в музыкальном творчестве, зарождающиеся в русле андеграунда тенденции прочно

входят в массовую культуру, обнаруживая парадоксальность этих явлений: одновременную потребность противопоставлять себя вкусам массового зрителя и традиционной культуре и ориентацию на широкую аудиторию. В этом контексте можно говорить не только о появлении фигур в современном искусстве, берущих на себя радикальную функцию расшатывания существующей системы, но и о смене настроений в обществе – постепенную его переориентацию на поиск истинных ценностей, на возможность проговаривать то, что скрыто.

Библиографический список

1. Андреев А. Р. Шииты, сунниты, дервиши: вечные тайны ислама / А. Р. Андреев, С. А. Шумов. Москва : Эксмо, 2005. 416 с.
2. Антонян М. А. Визуальный язык древнерусских юродивых и современных художников-перформансистов // Известия Волгоградского педагогического университета. Серия: Философия. Социология. 2014. Т. 8. № 93. С. 62-65.
3. Басинский П. Уроды и юроды // Дружба народов. 1999. № 4. С. 199-201.
4. Быков Д. Борис Пастернак. Москва : Молодая гвардия, 2016. 896 с.
5. Горичева Т. М. Православие и постмодернизм. Ленинград : Изд-во Ленинград. универ., 1991. 64 с.
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва : Круть, 2004. 560 с.
7. Ильин А. Н. Юродство как путь к святости // Вестник Московского областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 4. С. 87-93.
8. Ключевский В. Письма. Дневник, афоризмы и мысли об истории. Москва : Наука, 1968. 528 с.
9. Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (post)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. Москва : НЛЮ, 2008. 848 с.
10. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Ленинград : Наука, 1984. 296 с.
11. Нагорная Н. А. Феномен юродства и юродивый герой А. М. Ремизова // Культура и текст. 1997. Вып. 1. С. 73-75.
12. Священник-рэпер MC Nastoyatel: «Я юродствую, чтобы до вас достучаться» // 66.ru. 2016. 10 окт. URL: <https://66.ru/news/society/189952> (дата обращения: 21.01.2020).
13. Соковиков С. С. Русская зрелищная культура: целостность в разнообразии художественно-эстетических проявлений // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 52-57.
14. Талаева О. Г. Проблема юродства и лжеюродства в малой прозе И. А. Бунина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2 (94). С. 185-191.
15. Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва, 1994. 429 с.
16. Федотов Г. П. Юродивые. Москва : Московский рабочий, 1991. С. 199-209.
17. Хренов Н. А. Творческая личность как пороговая личность: от юродства инока Авраамия до перформанса О. Кулика // Ярославский педагогический вестник. Серия: Культурология. 2015. Т. 1. № 1. С. 74-82.
18. Цукер А. М. Даниил Хармс и советский рок-абсурдизм // Южно-российский музыкальный альманах. 2011. С. 8-16.
19. Чумичева Н. В. Политическая метафора русского акционизма как односторонний диалог искусства с режимом // Научный вестник Южного института менеджмента. 2016. № 1. С. 76-82.
20. Шаклеева А. И. Влияние философии русского юродства на режиссерскую концепцию Николая Коляды // Петербургский театральный журнал. 2018. № 3 (93). С. 8-15.
21. Юрков С. Православное юродство как антиповедение // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – нач. XX в.). Санкт-Петербург : Летний сад, 2003. С. 52-69.
22. Янковская О. В. Воплощение национальной идеи в авторской песне // Вестник Костромского государственного университета. 2010. № 4. С. 47-49.

Reference list

1. Andreev A. R. Shiity, sunnity, dervishi: vechnye tajny islama = Shiites, sunnis, dervishes: the eternal secrets of Islam / A. R. Andreev, S. A. Shumov. Moskva : Jeksmo, 2005. 416 s.
2. Antonjan M. A. Vizual'nyj jazyk drevnerusskih jurodivyh i sovremennyh hudozhnikov-performansistov = Visual language of ancient Russian juridical and contemporary performance artists // Izvestija Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. 2014. T. 8. № 93. S. 62-65.
3. Basinskij P. Urody i jurody = Freaks and God's fools // Druzhiba narodov. 1999. № 4. S. 199-201.
4. Bykov D. Boris Pasternak = Boris Pasternak. Moskva : Molodaja gvardija, 2016. 896 s.
5. Goricheva T. M. Pravoslavie i postmodernizm = Orthodoxy and postmodernism. Leningrad : Izd-vo Leningrad. univer., 1991. 64 s.
6. Esaulov I. A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti = Easternness of the Russian literature. Moskva : Krug#, 2004. 560 s.
7. Il'in A. N. Jurodstvo kak put' k svjatosti = Being fool for God's sake as a way to holiness // Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2015. № 4. S. 87-93.
8. Kljuhevskij V. Pis'ma. Dnevnik, aforizmy i mysli ob istorii = Letters. Diary, aphorisms and thoughts on history. Moskva : Nauka, 1968. 528 s.
9. Lipoveckij M. Paralologii. Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920-2000-h godov = Paralogs. Transformations of

(post) modernist discourse in Russian culture of the 1920-2000. Moskva : NLO, 2008. 848 s.

10. Lihachev D. S. Smeh v Drevnej Rusi = Laughter in ancient Russia / D. S. Lihachev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko. Leningrad : Nauka, 1984. 296 s.

11. Nagornaja N. A. Fenomen jurodstva i jurodivyj geroy A. M. Remizova = Phenomenon of foolishness and a foolish hero of A. M. Remizov // Kul'tura i tekst. 1997. Vyp. 1. S. 73-75.

12. Svjashhennik-rjeper MC Nastoyatel: «Ja jurodstvuju, chtoby do vas dostuchat'sja» = Rapper priest MC Nastoyatel: «I am playing a fool to reach you» // 66.ru. 2016. 10 okt. URL: <https://66.ru/news/society/189952> (data obrashhenija: 21.01.2020).

13. Sokovikov S. S. Russkaja zrelishhnaja kul'tura: celostnost' v raznoobrazii hudozhestvenno-jesteticheskijh projavlenij = Russian spectacular culture: integrity in diversity of artistic and aesthetic manifestations // Vestnik Juzhno-Ural'skogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2018. T. 18. № 4. S. 52-57.

14. Talaeva O. G. Problema jurodstva i lzhejurodstva v maloj proze I. A. Bunina = Problem of foolishness and false foolishness in I. A. Bunin's small prose // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. Vyp. 2 (94). S. 185-191.

15. Uspenskij B. A. Izbr. trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury = Selected works. V. 1. History semiotics. Culture semiotics. Moskva, 1994. 429 s.

16. Fedotov G. P. Jurodivye = God's fools. Moskva : Moskovskij rabochij, 1991. S. 199-209.

17. Hrenov N. A. Tvorcheskaja lichnost' kak porogovaja lichnost': ot jurodstva inoka Avraamija do performansa O. Kulika = Creative personality as a frontier personality: from foolishness of monk Abraham to performance of O. Kulik // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Serija: Kul'turologija. 2015. T. 1. № 1. S. 74-82.

18. Cuker A. M. Daniil Harms i sovetskij rok-absurdizm = Daniil Kharms and Soviet rock absurdism // Juzhno-rossijskij muzykal'nyj al'manah. 2011. S. 8-16.

19. Chumicheva N. V. Politicheskaja metafora rossijskogo akcionizma kak odnostoronnij dialog iskusstva s rezhimom = A political metaphor for Russian actionism as a one-sided dialogue of art with the regime // Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta. 2016. № 1. S. 76-82.

20. Shakleeva A. I. Vlijanie filosofii russkogo jurodstva na rezhisserskuju koncepciju Nikolaja Koljady = Influence of philosophy of Russian foolishness on the Director's concept of Nikolai Kolyada // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal. 2018. № 3 (93). S. 8-15.

21. Jurkov S. Pravoslavnoe jurodstvo kak antipovedenie = Orthodox foolishness as anti-behaviour // Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI – nach. XX v.). Sankt-Peterburg : Letnij sad, 2003. S. 52-69.

22. Jankovskaja O. V. Voploshhenie nacional'noj idei v avtorskoj pesne = Embodiment of the national idea in the author's song // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4. S. 47-49.